

Учиха Мадара шагал вперёд по сухой, слегка пыльной, грунтовой дороге. Самой обычной узкой тропке, похожей на те, что встречались в лесах страны Огня. Вот только эта тропина находилась не в физическом мире, зависая в безграничной черной пустоте, разглядеть в которой что-либо был не способен даже Риннеган. Но не смотря на отсутствие видимых источников освящения, тропу и своё тело Учиха прекрасно видел, словно они сами по себе светились, на что намекало и отсутствие тени. Но Мадара принял все эти странности как должное, привычный к видимой монументальности и фактической эфемерности свойственным загробному миру. Да и по тропе этой он идёт уже во второй раз на своей памяти. Мысли Учиха были о вещах более насущных.

Он пытался найти ответы на важные только сейчас вопросы. Вероятно, стоит ему оказаться за Гранью, на стороне жизни, они потеряют всякое значение. Первый: в какой именно момент он утратит память о бытии в Чистом Мире и можно ли этому помешать? Второй: зачем он всё-таки возвращается в мир живых?

С первым всё было достаточно просто. Мадара крайне оптимистично рассчитывал, что как Рикудо Сеннину ему доступно больше возможностей чем простым смертным. Нужно внимательно следить за собственным состоянием и отмечать любые странности. Конечно, может оказаться, что это бессмысленное занятие. Возможно он уже что-то забыл, но даже не заметил этого. Пытаться же определить что ты забыл, если ты это забыл, звучало как чисто философская, нереализуемая на практике задача. Тем не менее Мадара упорно продолжал искать в себе любые изменения, пессимистично допуская, что эти изменения действительно появились, вот только он уже забыл о том, как чувствовать себя без них, а потому не в состоянии выделить их в собственных ощущениях, считая привычным.

Параллельно Учиха пытался для себя решить, зачем же он всё-таки возвращается? На чистом импульсе приняв решение, он почти без сожалений покинул близкие ему души, но так и не нашёл четкой рациональной причины, оправдывающей этот поступок. То, что он вещал ранее Хашираме о собственном желании облагодетельствовать весь мир, было наглой ложью, на которую мог купиться разве что этот Древорождённый. Те, кто действительно имел для него значение, оставались за его спиной. На всех остальных ему было плевать. Из хоть сколько то ценного в мире живых был только клан, но Мадара не знал, нужен ли он ему. Клан Мадаре. Тот уже давно изменился, ещё при его жизни перестав быть тем самым кланом, что когда-то воевал с Сенджу под его началом.

Вопреки прогнозам Мадары, до самой его смерти Учиха благоденствовали. Без каких-либо особых репрессий, они пережили власть Тобирамы. Мадара тогда сильно переоценил ненависть того к вечным врагам, послужившим в своё время причиной гибели многих друзей, родственников и прочих членов клана Сенджу. Став вторым Хокаге, он ограничился заменой большей части шиноби в Анбу на членов других кланов, преимущественно Сенджу, отдав на откуп Учиха управление свежесозданной полицией под обёрткой большого доверия, разделения власти над Конохой для упрочнения союза и компенсации за то, что вот уже второй раз подряд на пост главы деревни встаёт Сенджу. Нахлебавшиеся в своё время крови старики, вкусившие мирной спокойной жизни, после стольких лет всячески оказываемого почета и уважения клану-сооснователю с готовностью приняли «оказываемую честь», почти полностью переведя клан с боевых миссий на более мирную и безопасную деятельность хранителей правопорядка. Протест не согласившихся с новым Сенджу у власти горстки горячей молодёжи и нескольких не забывших былой ненависти ветеранов, переросший в

небольшой бунт, легко и с готовностью подавил сам клан.

Таким образом, ценой будущих репутационных потерь, о которых мало кто тогда задумывался, клан получил великолепную кормушку, достойно оплачиваемую из налогов, и занятость внутри деревни для абсолютной части своих шиноби, что обеспечило Учиха самую низкую смертность среди кланов Конохи, члены которых временами не возвращались с заданий.

При жизни Мадара считал, что Тобирама таким образом просто усыплял бдительность и банально не успел реализовать все свои планы для уничтожения старых врагов, так как пробыл на посту Хокаге всего несколько месяцев после смерти Хаширамы. А потом Учиха убил его руками нукенинов Кумогакуре, мстя за брата и предотвращая эти возможные планы. Сейчас же, после очень многих разговоров о прошлом за чашечкой-другой в его компании, Мадара понимал, что Тобирама не собирался в ближайшем времени уничтожать Учиха и не факт что вообще собрался бы. Слишком хорошим шиноби был Сенджу, чтобы создавать проблемы себе и деревне из-за пустого желания мести. Он только запустил термитов, что год за годом подтачивали тот столп, на котором основывалась мощь клана, заодно выдав ему тот приз, за который в будущем будет не жалко уничтожить сильного союзника, успешно сделав вид что банально откупился от Учиха, чтобы те не мешали ему управлять деревней.

Как и ожидал хитрый Сенджу, долгое время потративший на изучение клана Мадары, благодаря сытной и с каждым годом всё более безопасной работе, клан рос, процветал и... слабел. Боль, страдания, потери: всё это было не только тяжелыми испытаниями, но и тренировками, развивающими душу Учиха, закаляя и усиливая её материальное отражение — Шаринган. Через поколение красными глазами могли похвастаться немного меньшее количество шиноби: две трети членов клана, но лишь благодаря старикам, часть которых воевала ещё под его началом, рекордным количеством которых Учиха теперь также могли гордиться. Но без переполняющих душу эмоций эти глаза давали не так уж и много. Качественно сила огня и иллюзий Учиха нового времени на порядок уступала былым воинам.

Изменился менталитет. Теперь Учиха считали, что для их шиноби главное это любовь к клану, терпение, миролюбие и трудолюбие, чтобы успешно выполнять функцию пастухов. При его жизни всеобщим кредо была жажда силы любой ценой для защиты клана, кроме которого ничто не имеет значения. Но теперь оно не имело такой роли, просто потому, что клан больше не требовал самоотверженной защиты, с этим успешно справлялась Коноха. Требовались терпение и миролюбие чтобы не прибить перебравшего шиноби, покрывающего тебя матом пока ты тащишь его в участок. Кроме того, как и ожидалось, многие стали недолгоблively Учиха, завидуя их положению в деревне, и если бы вдруг кто-то всех перебил, никто бы не расстроился. А это стало не так уж сложно сделать. Он один без особых усилий вырезал бы весь этот новый клан, несмотря на почти вдвое увеличившуюся с его времени численность. То же смог бы сделать и Тобирама.

Но Тобирама умер, а к власти пришёл его ученик Хирузен. За его политикой Учиха следил не особо пристально, так как у него наметились успехи в деле приживления себе клеток Хаширамы и он отдавал всё своё время экспериментам на себе, удостоверившись, что Сарутоби продолжает политику Тобирамы относительно клана, а клан продолжает благоденствовать, становясь всё больше и богаче. Две мировых войны шиноби практически не повлияли на Учиха, не усилив, но и не ослабив. Зато вдруг в деревне почти не осталось Сенджу.

Разговор с погибшими из обоих кланов всё прояснил. Учиха, несмотря на изменение образа жизни, по-прежнему в большинстве своём ставили клан во главу угла. Интересы деревни к интересам Учиха никто не приравнивал. Были исключения, вроде свалившегося ему на голову Обито, но их были единицы. Потому и на войну они шли не слишком охотно, без какой-либо особой ненависти к врагам Конохи. Лишь те, кто потерял друзей или товарищей переполнялись эмоциями в достаточной мере, чтобы глаза обрели силу. Но так как чаще всего среди этих эмоций преобладала вина и гнев на самого себя, то немногие это выдерживали. Некоторые даже смогли пробудить Мангёку Шаринган, но большинство из них не справлялось с болью и погибало в самоубийственных атаках. Некоторые ослепли, не успев прочесть плиту Рикудо и не узнав об Эйен но Мангёку Шарингане.

Сендзю же, напротив, гибли в первых рядах, считая своим священным долгом защищать деревню ценой своей жизни, поставив её даже выше клана, приняв за руководство к действию привычную тактику всегда шедших впереди всех бывших глав клана — неубиваемого Хаширамы и вёрткого Тобирамы. А так как в клане не появилось никого, кто смог бы даже близко подобраться к их уровню, то гибли Сендзю пачками, до самого конца не думая останавливать самоубийственный порыв. К тому времени, когда Мадара пробудил Риннеган, придумал План и начал поиск приемника, вновь начав интересоваться делами клана и деревни, из всех Сендзю выжила одна только внучка Хаширамы, которая, по слухам, не могла иметь детей.

Подводя итоги, вопреки его прогнозу, вымерли Сендзю, а не Учиха. Клан Мадары вовсе не знает бед. Жители деревни, спустя два поколения, привыкли к своей полиции. Чужой сытной кормушкой озабочены разве что главы кланов, тогда как рядовые шиноби считают устоявшийся порядок вещей естественным. Учиха, несмотря на статус «слишком хорошо устроившихся», смогли создать себе и своей организации очень хорошую репутацию. Кроме того, выходки упивающихся болью после пробуждения Мангёку, что как правило представляли из себя бойню сопровождаемую безумным смехом и яростными криками, создали клану славу шиноби... сильно ценящих своих близких. Но хватит ли этого? Не возмутится ли скоро кто-нибудь внезапно найденной под носом «несправедливостью» чужого счастья? Да и хочет ли Мадара вмешиваться в дела этого клана, который с каждым годом имеет всё меньше общего с ним?

При жизни, ответом на оба вопроса было: нет. Пересадка клеток Хаширамы прошла не слишком удачно. Он смог пробудить Риннеган, но его тело начало гнить заживо. Его спасла безумная идея соединения с телом Десятихвостого — статуей, похожей на чудовищную смесь дерева, плоти и камня, которую он назвал Гедо Мазо. Но спасена была только жизнь, с рассудком появились серьёзные проблемы. Навязчивая идея «Превзойти Хашираму» смешалась с идеей «Спаси клан Учиха» и переродилась в План Глаз Луны, что должен был спасти всех и вся от любых бед и печалей, неизбежно со временем оставляя землю совершенно пустой, когда весь мир вымрет от старости. Это казалось ему тогда не слишком большой платой за счастье.

Кроме не совсем адекватного мышления, у Мадары появились провалы в памяти. В один из таких провалов появились Чёрный, Белый и Спиральный Зецу. Он понятия не имел как их создал, но стал использовать в своих планах, действуя через них. Особенно хорош был Чёрный, отличающийся высоким интеллектом, хитростью и крайней целеустремлённостью. Мадара сказал ему: «Найди способ убедить Обито. Мне всё равно как!». Учиха до сих пор не имел ни

малейшего понятия, как тот провернул этот спектакль с бывшей командой Обито, трёххвостым и шиноби Кири, но ведь сработало! И сейчас, судя по всему Черный Зецу обеспечил его возвращение. Наверно, придётся придумать ему награду.

Сейчас же, обдумав всё это, Мадара пришёл к выводу, что всё это не так уж и важно. Ему не нужен благовидный повод чтобы вернуться. Не имеет смысла лгать самому себе. Вскользь, он уже упоминал истинную причину своего желания воскреснуть. Учиха банально чувствовал недоудовлетворение от того, на что потратил свою жизнь. Отдать сорок лет, для того, чтобы пробудить Риннеган и ни разу им толком не воспользоваться было весьма обидно. Теперь же он постарается оставить достойный след в истории... на голову сделав Хашираму с его Конохой!

Несмотря на то, что на протяжении всего пути Мадара внимательно следил за дорогой, он не заметил как вышел к пустой полянке с костром посередине. Когда он умер, точно у такого же костра его встретили Изуна с Хаширамой, чтобы проводить в чистый мир и помочь принять новость, что смерть это ещё не конец. Ещё, по словам Мито, он служит маяком для живых, желающих пообщаться с мертвыми. Эти сумасшедшие Узумаки имеют целую древнюю традицию представлять детей покойным родственникам, чтобы, если ребёнок тем понравится, те поделились с ним какой-либо мудростью! Но несмотря на скепсис, Мадара где-то даже завидовал. Мертвым незачем хранить секреты, а потому они с радостью поделятся любым дзюцу или знанием, чтобы просто помочь потомкам и упрочить благодарную память. Другими словами, живые получали настоящие сокровища от мёртвых практически задаром. Наверно за излишнюю хитрость их и перебили.

Учиха костёр был не нужен, а потому он прошёл поляну насквозь и направился к замеченному продолжению тропы. Но когда он попытался ступить на неё, то наткнулся на какое-то невидимое препятствие.

«Что?» — не понял он. — " Я не могу пройти дальше? Неужели Обито где-то ошибся? Или нет,» — Мадара усмехнулся. — «Он специально всё подстроил так, чтобы я не смог воскреснуть. Очевидно что эта техника не Ринне Тенсей. Наверняка тот мелкий Узумаки, которому я одолжил свой Риннеган, не захотел умирать ради моего возвращения, а надавить на него оказалось нечем. Обито нашёл какой-то другой ритуал, показал его Зецу и тот одобрил, а затем он изменил его или тот изначально был нерабочим, неважно. И вот они сейчас его проводят, и когда спустя долгое время я не вернусь, Обито заявит, что я сам этого не пожелал и Зецу вынужденно согласится. А потом он просто продолжит выполнять мой план самостоятельно, возможно, вместе с обманутым Зецу. Одноглазый мелкий ублюдок! Так то ты меня за спасённую жизнь благодаришь?!» — Учиха оскалился и активировал Риннеган — «Но ты кое-что не учёл. Риннеган это не только орган зрения и преобразования чакры. Это ещё и стадия развития души!»

Мадара без разгона и рывка ударил ладонью в барьер. Он не вкладывал в этот натиск особой физической силы. Барьер, как и всё в загробном мире, состоял из чакры. Это была странная особая чakra, которой не смог бы апеллировать ни один саннин и тем более ни простой шиноби. Но сила обладателя Риннегана отличалась. Если в мире живых это отличие не имело настолько существенного значения, то здесь оно было основополагающим. Барьер сопротивлялся недолго. Сдержатъ напор Мастера Шести Путей, напрямую вытягивающего энергию из него было не в возможностях этого конструкта неясной природы. Мадара прорвался вперёд и шагнул на тропу. Первый же шаг стал последним. Учиха внезапно потерял

под ногами опоры и провалился вниз, но уже через миг полёта в нигде в никуда, его не успевшее полностью осознать ужас ситуации сознание погасло.

<http://tl.rulate.ru/book/31177/676078>